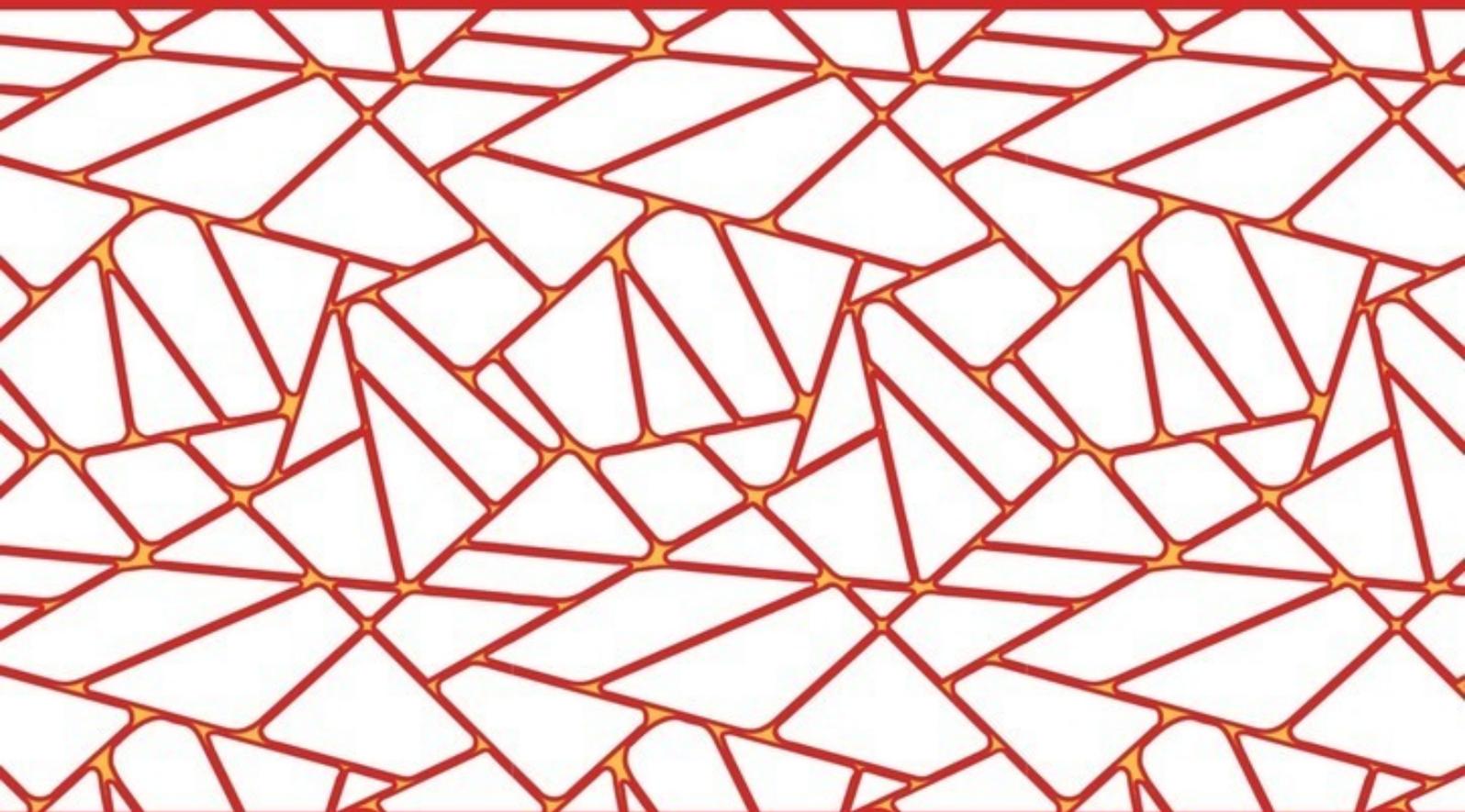

Любовь Аяме

**13 ИСТОРИЙ
О ЛЮБВИ И БОЛИ**
Рассказы

Любовь Аяме

**13 историй о любви
и боли. Рассказы**

«Издательские решения»

Аяме Л.

13 историй о любви и боли. Рассказы / Л. Аяме —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850453-2

Любовь приходит из ниоткуда, когда вы ее не ждете, когда вы к ней не готовы, и забирает все. Оборотень и дворецкий, командир самолета и второй пилот, король и жрица, дочь фараона и цеховой инженер, дева щита и инквизитор в тринадцати рассказах о сожалении и чувствах, за которые приходится дорого заплатить.

ISBN 978-5-44-850453-2

© Аяме Л.
© Издательские решения

Содержание

Волчье сердце	6
Стеклянный дождь	12
Царевна Никтеб	14
Vale et me ama	17
Действующие лица	17
Первое действие	18
Второе действие	21
Третье действие	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

13 историй о любви и боли

Рассказы

Любовь Аяме

© Любовь Аяме, 2017

ISBN 978-5-4485-0453-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Волчье сердце

Елена проснулась в грязи и осенних листьях. Голова кружилась, во рту было прегадко. От разгоряченного тела валил пар, но солнце уже начало вставать: лес плавал в предрассветной дымке. Елена попыталась сесть, она упала. Уперевшись локтями в землю она все-таки села, кренясь на бок. Все казалось ей размытым и, что самое неприятное, незнакомым. Она принюхалась: острый лисий след, гниющие мыши в совином дупле, далеко, у ручья – олений помет. А еще коричневатый след табака Густава, зеленая отдушка его туалетной воды.

Хорошо. Густав здесь. И в термосе у него... Елена напряглась. Какао. Отлично. Значит, можно еще полежать.

– Что же вы так, мадам, – мягко укорил ее Густав, подходя ближе. Листья у него под ногами оглушительно шуршали. – У вас же есть лунный календарь, почему вы на него совсем не смотрите?

– Встфгл, – ответила Елена и выплюнула гусиный пух. С локтя у Густава свисало сложенное одеяло, в которое он укутал Елену. Из кармана Густав достал платок и, послунив его, вытер ей лоб. Елена благодарно лизнула его в руку.

– Сейчас вы очень милы, – сказал он, – но продолжаете драть гусей. Вставайте, мадам.

Густав схватил ее подмышки и потянул вверх. Одедо соскользнуло на землю, оголяя бледные исцарапанные ноги. Елена кое-как встала, но ступни все время смешно выворачивались. Она никак не могла вспомнить, как ходить на двух ногах, смутно припоминая, что на четырех было удобнее.

Густав подхватил упавшее одеяло и снова старательно укутал Елену. Елена уперлась лбом в плечо Густава и стояла, покачиваясь и разглядывая свою ладонь. Ногти были обломаны, под них забились то ли кровь, то ли грязь.

– Вы... вымой меня, – пролаяла она и откашлялась, выплюнув еще клочок пуха. – Дома. Домой.

– Как скажете, мадам, – согласился Густав и, перекинув руку Елены себе через плечи, повел ее к машине. Когда Густав открыл перед ней дверцу, Елена юркнула внутрь. Ей захотелось забиться под сиденья и свернуться там клубком, но она пересилила себя. На сиденье. Как человек. Люди сидят наверху, а не на полу. Важно это помнить.

Густав сел за руль и снял фуражку, которую аккуратно положил на пустое переднее сиденье. Водил он тоже очень аккуратно, выкруливая по размокшим осенним дорогам из леса на асфальтовую аллею, обсаженную тополями. Закутавшаяся в одеяло Елена смотрела в окно, где мелькание деревьев сменили поля, голые и скучные. Среди распаханых полос жирной коричневой земли, похожей на застывшее фондю, скакали вороны.

В машине плохо пахло, Елене тяжело было переносить автомобильный смрад. Чем только не пичкали эти заводные игрушки, чем только не мазали. Она чувствовала себя замурованной в шахте, посаженной в бочку со смолой и брошенной в керосиновое море. Борясь

с тошнотой Елена смотрела в окно, на поля, на дома с красными крышами, и медленно забывала, как хорошо быть волком.

Елена перевела взгляд с далеких деревьев, уже совсем облетевших, на щеку Густава, на его карий глаз с длинными ресницами, руку в черной перчатке, лежавшую на руле; все, что она видела из угла салона, в который забились. Когда он сел за руль, то всегда снимал костюм дворецкого и надевал форму шофера. Он делал это для того, чтобы люди не спрашивали, почему в поместье так мало слуг.

– Срежь через мельницу, я мерзну, – требовательно сказала Елена, когда они въехали в город.

– Как скажете, мадам, – Густав опустил руку к рычагу. Он переключил сцепление, когда въезжал на тряский каменный мост.

Слуги не удивлялись, почему Густав по утрам привозит Елену из леса. Они думали – Густав постарался, чтобы они как следует это усвоили, – что у бедной мадам лунатизм. Она скидывает ночную рубашку, ловко спускается по стене из окна спальни на втором этаже и убегает в лес. В семье мадам все страдали лунатизмом, а Густав специально учился помогать лунатикам. Он помогал покойным отцу мадам и ее брату. Мать мадам не выдержала этого безумия – тяжело смотреть на близких людей, пораженных душевным недугом, – и уехала поправлять здоровье в горы. Давно уехала. И больше не возвращалась.

Густав, придерживая Елену за плечи, помог ей подняться по широкой мраморной лестнице, расходившейся надвое, как ласточкин хвост, на второй этаж. Елена с наслаждением прошла босыми ногами по пышной, но уже кое-где вытертой ковровой дорожке к ванной комнате, светлой и просторной, с большим окном, выходящим на сад и поля за садом.

Густав относился к мытью Елены как к ритуалу. Каждое действие следовало в определенном порядке. Все началось с того, что Густав принес с веранды плетеное кресло и положил на его сиденье маленькую атласную подушечку, которая уже дожидалась их в ванной. Он помог Елене сесть в кресло и она села, вытянув ноги и поставив их на вторую подушку, вышитую розовым бисером, которую Густав подложил ей под пятки. Елена потребовала термос с какао, остывшим, с расплзшимся зефиром, тот самый, из машины, и Густав принес ей какао. Когда Елена скрутила крышечку и начала пить, Густав взял пробку на длинной медной цепочке и заткнул слив. Он проверил пробку, прижав ее двумя пальцами, и открыл медные краны со вставками из зеленой мозаики.

Вода громко била по белому эмалированному дну, а, когда ванна начинала наполняться, вода плюхала и шлепала еще громче. Запахи перестали донимать Елену и наступила очередь звуков. Вода – барабанящая, хлюпающая, тихо плещущаяся – билась не об ванну, а о барабанные перепонки, и от этого у Елены началась мигрень. Стараясь не думать о том, что голова вот-вот расколется на части, Елена допила чуть теплое какао, глядя в высокое, потемневшее от сырости и времени зеркало на стене. Ее отражение казалось пастельным и размытым, как старинная фотография. Елена свирепо думала, что запустит в зеркало чертовым термосом, на этот раз точно запустит, и пусть оглушительный хруст и грохот разбитого стекла дадут мигрени ее прикончить.

Елена так хотела это сделать, что у нее пальцы немели от возбуждения, но она сдерживалась. Самым главным для Елены в жизни была дисциплина. Она знала, что бывает с теми, кто не держит себя в руках, не терпит запахи или шумы, не сдерживает злость, голод или похоть. Лес звал их чаще, чем других, и в конце концов они уходили, растворялись в нем как одинокая маршмеллоу – в какао. Но в глубине волчьей души они помнили, что были людьми, и сначала подходили к околицам и заглядывали в окна, а потом начинали поджидать детей на окраинах. Те, у кого получалось особенно хорошо, переходили на взрослых. Но их всех убивали в конце. Так заканчивались все сказки о больших злых волках.

Когда ванна наполнилась, Густав подошел к креслу Елены и церемонно подал ей руку, словно приглашая на танец. Она благосклонно оперлась на его ладонь, оставив термос в кресле вместе с одеялом, и залезла в ванную.

Густав много раз видел Елену голой, но всегда держался так спокойно и скромно, что она не смогла бы его ни в чем упрекнуть даже если бы захотела. Но, когда Густав видел ее голой, он начинал пахнуть по-другому. Елена хорошо знала этот запах, отдающий ежевикой и жирными зимними гусями. Запах поднимался медленно, потому что Густав боролся с собой до последнего, вот только тело плохо слушалось и в конце концов его выдавало.

Елене нравилось думать, что, хоть она вынуждена бороться с собой каждую луну, Густав борется с собой каждый раз, когда видит ее без одежды. Он не говорил лишнего, не держался за локоть Елены дольше положенного, помогая ей перебраться через бортик, а, когда смотрел на нее, в его взгляде отражалось любезное «мадам». Его чувства были такими же сдержанными и опрятными, как и он сам и, пока Густав держал их при себе, они не могли Елену оскорбить.

Густав достал из шкафа ящик с натуральными губками и коробочку с мылом. Производитель утверждал, что мыло не пахнет, но мыло пахло, просто недостаточно сильно, чтобы человек мог его почувствовать. Густав закатал рукава и снял галстук. Когда он набирал воду, то прижимал галстук рукой, но перед мытьем всегда снимал его, чтобы не мешался. Елена сидела в начавшей темнеть воде и терпеливо ждала, обхватив руками колени.

Густав погрузил губку в воду, давая ей напитаться, вынул ее и отжал. Смочив мыло, он принялся методично натирать им губку, пока та не вздыбилась белой пеной. На внутренней стороне руки у Густава виднелись широкие и длинные белые рубцы. Елена смотрела на них и думала, что Густав был на войне, а она вспоминала об этом только когда он расстегивал манжеты. Брат Елены тоже ушел на войну. Они смеялись, что в полнолуние он может служить за двоих, поэтому ему нужно назначить двойное жалование. А потом они получили письмо, и отец сказал, что теперь они знают: не только серебряные пули, но и газ может убить человека, иногда бывающего волком.

Как следует намылив губку, Густав принялся размашистыми движениями тереть Елене спину. Он попросил Елену наклонить голову, чтобы промыть под волосами, выпутывая застрявшие в них веточки и листья. Когда руки Густава были так близко, Елена слышала, как бьется его пульс, отзываясь во всем теле. Внизу живота пульс звучал глуше и сильнее, пульсировал дробно, как маленький барабан, и тело Елены стряхивало дрему, отзываясь на звук разгоряченной крови.

Елена не любила это свое тело. Оно даже не было похоже на тело. В нем было слишком много бесполезной плоти, слишком мало мышц, кости были слишком хрупкими, а ногти – ломкими. Она привыкла к другому телу, которое надевала редко, как вечернее платье, но с неизменным удовольствием, потому что другое ее тело было свободой идти куда хочешь, делать то, что хочешь... это ее тело такой роскоши не позволяло.

Но человеческое тело было нужно ей для того, чтобы ходить среди людей и говорить с ними. Оно давало ей безопасность, в то время как то, другое – свободу. Иногда Елене хотелось, чтобы у нее было одно тело и для особняка, и для леса, но это было невозможно, и, вспыхнув, Елена быстро смирялась. Может быть потому, что Елена такой родилась у и нее было все время на свете, чтобы привыкнуть? Она знала, что новообращенные очень страдают, понимала, почему – но никогда не смогла бы почувствовать то же самое потому, что в отличие от них всегда была расколота надвое и соединена только узкой полоской лунного света.

Елена вздрогнула, схватившись за край ванной. Когда рука Густава легла на ее плечо, она чуть не укусила его, но вовремя опомнилась. Не чужой, свой; принявшись, она успокоилась. Последнее время это случалось все чаще. Второе тело указывало первому что делать, и первое повиновалось прежде чем успевало вспомнить, что именно оно отдает приказы.

– Мадам? – Густав внимательно на нее смотрел и держал губку по-особенному вывернув кисть... как нож. Елена смотрела на него исподлобья, не узнавая. Она смотрела на него, но видела охотника. Кровь с ножа капала на яркие желтые листья.

Елена тихо зарычала, шерсть на ее загривке встала дыбом. Она сидела в ванной, но не чувствовала тепло воды: ее ободренные бока обжигал осенний холод. В пробитой груди болело, но она была еще жива. Охотник крикнул что-то через плечо, не выпуская из рук нож. Было страшно, очень страшно. Вместе со страхом в ней, как ведьмином котле, бурлила злоба. Больно. Он сделал ей больно. Она хотела передать свою боль ему. Она ждала, пока он подойдет поближе. Она видела, как дернулся его кадык и оскалилась...

– Мадам, – Густав поднял руки вверх, показывая, что не держит ничего, кроме губки. – Вы меня слышите, мадам? Это я. Вы знаете меня с детства. Я служил вашему отцу, матери, брату и вам, всей вашей семье. Я не сделаю вам ничего плохого. Я просто вымою вас, как вы и хотели.

– А. Да, – Елена кивнула. Ее ногти царапнули по бортику и содранная эмаль посыпалась в воду. Густав казался спокойным, но она знала, что он встревожен. Когда такие вещи происходят с кем-то вроде нее, это значит, что его зовет лес; чем чаще они случаются, тем громче зов.

Густав потянулся к полотенцам:

– Если вам плохо...

– Нет, – Елена следила за каждым его движением, пока он снова не наклонился к ней. – Я хочу, чтобы ты закончил.

Когда Густав окунул губку в воду, отжал и провел от ключиц к животу, обводя грудь, Елена закрыла глаза. Ей нравилось как он это делает – скупыми, точными мазками. Когда он спустился к животу, оценив изменения в кровотоке, она причмокнула – у него начали слабеть пальцы, а запах стал сильнее. Елена раздвинула бедра, не открывая глаз.

Шероховатость губки приятно щекотала кожу. Широкие, длинные мазки – от паха к коленям, легкие тычки под коленями, вот губка обводит ступню, которую Елена высунула из воды и положила на край бортика, уперев Густаву в бедро. Она приоткрыла глаза, чтобы посмотреть на него – крупный нос, знакомая щеточка усов, бледное лицо. Выражение лица не напряженное, нет: сосредоточенное. От воды, стекавшей по ноге Елены, брюки Густава быстро намокли, от мыла остались белые разводы – эта пара была безвозвратно испорчена. Елена напонила себе выписать ему чек на новую форму.

Густав взял Елену за щиколотку, как скрипку за гриф, и принялся вычищать грязь у нее между пальцев. Потоки мыльной воды стекали по его рубашке, по брюкам, облепившим колени. Колени у Густава были костлявые, обтянутые намокшей тканью, они выпирали, как у скелета. Елена разглядывала их и чувствовала странное восхищение перед ломким, угловатым каркасом, скрывавшимся под одеждой. Она могла бы легко перекусить ему ногу, когда была в себе. А он нянчился с ней, как с ребенком. За деньги или из уважения к памяти отца, который привел Густава в дом еще ребенком? Скорее всего, и то, и другое.

После того, как Густав вымыл Елене голову, массируя затылок, он взял душ, держа его немного на отлете, как хлыст, и долго регулировал воду, выправляя струю и подкручивая то один, то другой кран. Когда Густав счел, что вода точно такая, как надо – не слишком холодная, не слишком горячая, – то полил Елене на ладонь «на пробу»; пошевелив пальцами, она кивнула.

Теплая, даже очень, но не обжигающая; тугие мелкие струйки ввинчивались в кожу как пальцы массажиста. Елена встала, упираясь ладонями в кафельную стену, а Густав принялся смывать с нее серую пену, сначала промыв волосы, а потом уже растирая спину: на этот раз он трогал ее не губкой, а рукой. Елена выгнулась, желание, словно змея, ползло между ее грудей к отяжелевшему низу живота, возбужденное этой жилистой, безволосой ладонью. Дыхание Густава стало едва заметно тяжелее и чаще, когда коснулся ее груди, направляя на нее косую струю воды; он трогал ее груди бережно, как переспелые персики, за которые придется платить, если помнешь.

Елена сжала бедра и уперлась лбом в прохладный, влажный кафель. Ее пробрала дрожь – один раз, другой, она вытянулась, напряженная, как струна. Рука Густава двигалась между ее грудей вяло, рассеянно, как будто бы на мгновение он забыл, где он и что делает. Наконец, Елена встряхнулась всем телом – и обмякла. Сведенные судорогой мышцы расслаблялись; ей хватило нескольких минут.

Густав молча смыл с нее остатки пены. Елена повернулась – Густав оправил расстегнутый воротничок и, поймав ее взгляд, вежливо улыбнулся. Елена почувствовала слабый запах чего-то острого и кисловатого, исходивший снизу, и холодно улыбнулась в ответ. Ему тоже хватило нескольких минут.

Густав вытер Елену, ловко орудуя большим махровым полотенцем так, что ни один из широких белых краев не коснулся пола, обернул второе полотенце Елене вокруг головы

и подал ей халат. Елена снова села в кресло, вытянув вперед босые ноги. На кафеле остались влажные следы ее ног, похожие на отпечатки речных голышей – крупные, вытянутые овалы пяток и дуги стоп, окруженные пятью скругленными отпечатками помельче. Елена рассматривала их с праздным любопытством, прислушиваясь к стуку шкафчиков и хлопанию крышки бельевой корзины, куда отправились губка и махровое полотенце.

На полке звякнули флакончики, послышался шорох атласа. Густав опустился перед Еленой на колени и, протерев ее ступни смоченным в лосьоне тампоном, всунул ее ноги в мягкие домашние туфли.

– Мадам изволит лечь спать? – спросил Густав, не поднимая головы.

– Пожалуй, – кивнула Елена, постукивая пальцами по подлокотникам. – До следующей луны.

Стеклянный дождь

Лира шла по стоянке, ветер трепал волосы. Она подняла руку и прижала выбившиеся пряди к голове. Влад вышел из машины и пошел к ней, глядя в сторону. Лира сделала вид, что не заметила, поправила воротник.

У него были серые глаза, переливавшиеся балтийским перламутром. Если перламутр играл, как барашки на волнах, значит, в голове у него что-то происходило. Мысли мелькали, как отражения в зеркале машины, набирающей ход.

Каблуки шлепали по лужам, кожаные туфли быстро отсыревали. Лира знала, что Влад перевелся в другую смену, чтобы реже видеться с ней, когда она начала задавать вопросы.

Влад ходил быстро. Если ходить быстро, не так заметно, что ты хромаешь. Пальцы у него были синие от печатей, и светоотражающие полосы от его куртки понемногу отслаивались: куртка часто стиралась, он любил чистоту.

– Привет. Где документы на груз? – спросил он.

Лира посмотрела ему в глаза. Море волнуется раз, море волнуется два – перламутр не волновался. Его куртка защищала от дождя, а ее форма быстро промокала. Сесть в машину он не предлагал.

– У меня их нет, – сказала Лира.

– В багажнике? – он посмотрел на самолет.

– Скорее всего.

Грузчики уже открыли люк. Потянули за рычаг на брюхе, а гидравлика сделала все остальное. К открытому багажнику триста тридцатого уже подъезжал, мигая, желтый контейнерный погрузчик.

Влад взлез по лесенке на верх погрузчика и зашел голову в багажник. Включился свет, слабый, как от дачного фонаря. Лира видела, как полосы на куртке Влада вспыхивали между контейнерами, и погасли в темноте. Влад высунулся из люка и, держась рукой за переборку, помотал головой.

– Документов нет, как разгрузить, – сказал бригадир, стоя перед погрузчиком и с сомнением глядя на Влада.

– Разгружайте тогда из первого люка, – сказала Лира. – На него документы не нужны.

Она взялась за перекладину лесенки на боку погрузчика и подергала. Под дождем рука скользила. Серая шерстяная форма Лиры совсем не подходила для лазания по лестницам в дождливую погоду.

Влад всегда был на телефоне. Лира краем глаза видела женские имена, видела фотографии, а на них светлые, черные, темные, рыжие волосы. Влад не отнекивался, говорил: сестра, бывшая жена, бывшая коллега.

Лира лезла по лесенке, стиснув зубы. Когда она оказалась наверху, то одернула юбку, и отшатнулась, ветер ударил ее в лицо. С погрузчика все поле было как на ладони, вдалеке, в дождливом мареве, виднелся яркий зигзаг грузового терминала.

Лира спрашивала, как же так. Почему так много женщин, и так много секретов? Влад говорил, что Лира придумывает. У нее такое воображение, что Влад со смехом признавался, что хватался за голову, когда слышал Лирины предположения.

Лира шагнула в багажник и контейнерный погрузчик, пища, отъехал и сделал полукруг на стоянке, огибая крыло. Влад проверял карманы контейнеров, переходя от внутренних к крайнему. Лира зашла за контейнер с почтой и вынула из сейфа в переборке конверт с документами на груз, желтый, большой, тяжелый.

Влад виделся с Лирой только на работе. В выходные он всегда был занят. Он присылал ей фотографии ремонта, автосервиса, друзей, показывая: я здесь, я не обманываю. Лиру не оставляло чувство, что она уже видела эти фотографии раньше, когда Влад показывал ей, чем занимался год, два назад.

Влад стоял на краю, спиной к открытому люку, когда Лира к нему подошла. Внизу грохотали багажные телеги, на которых вывозили контейнера. из-за шума Влад не слышал шагов, но все равно обернулся. Он посмотрел сначала на Лиру, потом на конверт у нее в руках.

Во время их последней встречи Влад поцеловал Лиру под табло. Он обещал позвонить когда приедет от родителей, и, как всегда, не позвонил. Конечно, люблю. Давай в другой день? В другой другой день. В день после другого дня.

– Вот твой конверт, – сказала Лира, и толкнула Влада обеими руками в грудь. Он попытался схватить Лиру за руку, но схватился за конверт, взмахнул рукой, как будто пытаясь взлететь, и завалился назад, спиной в пустоту.

Лира не слышала хруста костей, когда Влад упал. Поясницей на угол контейнера, с него – на телегу, вместе с которой Влада проволочило по тармаку. Лира стояла в люке, держась за переборку, а Влад лежал и смотрел на нее.

Такой удивленный. Как будто увидел ее в первый раз.

Царевна Никтеб

В дворцовом саду лотосы покачивались на воде, а в полумраке над ними, встав коленями на подушки, царевна Никтеб слушала, как поет, ударяя ладонями по барабану, ее кормилица Андама, с кожей черной, как эбеновое дерево. В песне Андамы звучала жалоба на чужую страну, в который ей пришлось забыть родной язык, на новое имя, которое ей пришлось принять, на бесконечную дорогу, по которой после смерти ей придется идти вместо того, чтобы встретиться с Благословенными Матерями.

Царевна Никтеб, оперевшись подбородком на сложенные руки, думала, что если бы ее отец, фараон Пылающего Скорча, услышал, о чем поет Андама, он бы велел вырвать ей язык и бросить кормилицу в пруд с крокодилами. Никтеб казалось, что Андама приняла бы смерть с радостью, как желанную гостью. Андама ненавидела и Скорч, и его жемчужину – город из белого камня, украшенный статуями богов и царей, город, в котором скоро, совсем скоро Никтеб станет наложницей, а потом и женой своего отца.

Никтеб страшил час, когда ей придется надеть драгоценный брачный убор, страшили плотоядные взгляды, который отец бросал на нее во время последней встречи. Выражение его лица, покрытого золотой краской, с подведенными синей и черной сурьмой глазами и накладной бородкой заставляло Никтеб цепенеть, как змею на солнце. Тяжелая золотая краска не скрывала глубоких морщин на его шее, а непреклонное, безжалостное выражение лица делало его больше похожим на демона, чем на бога. Люди верили в то, что отец Никтеб и правда бог, а Никтеб не верила никому и ничему, особенно холодным, липким рукам, которые забирались ей под хитон, больно мяли маленькую грудь.

За те три года, что Никтеб готовилась стать наложницей, она расцвела, как пустынная роза. Никтеб была обучена всем благородным искусствам – танцу, пению, этикету, светской беседе, всем придворным доблестям – дипломатии, языкам, рисованию, геометрии, астрономии и черчению. Но какой толк был ото всех талантов Никтеб, если она никогда не покидала дворца? Ее голос должен был не звучать призывами к миру над столом переговоров, но улаживать слух ее отца, ее глаза должны были не вглядываться в пустынное марево в поисках оазисов, а с обожанием смотреть на своего мужа и господина, а ее руки... Никтеб передергивало от отвращения, когда она думала о том, что придется делать ее рукам.

Запертая во дворце, Никтеб была точно такой же невольницей, как Андама, и в ее песне Никтеб узнавала свою тоску, но у Никтеб не было дома, в который она могла бы вернуться – ее дом был ее темницей. Последний раз кормилица видела пустыню, когда ее еще ребенком привели во дворец в подарок матери Никтеб, а Никтеб не видела пустыню, колыбель ее народа, никогда. Она бы жизнь отдала за то, чтобы увидеть, как в бархатной черноте ночи вспыхивают, словно драгоценные камни, звезды, но отец считал, что Никтеб не нужен мир: ее миром должен был стать он сам.

Отец Никтеб, как говорили жрецы, происходил из рода богов. Одна кровь текла в их жилах, но ее отец умел подчинять своей крови духов огня, и с их помощью уничтожать своих врагов и врагов Скорча. За это народ боготворил его – как и его отца, и отца его отца. Огонь не обжигал Никтеб, а еще она умела заставить жаровни вспыхивать сами собой, но больше она не умела ничего. Ей говорили, что это потому, что ее женская воля слишком слабая, а кровь богов в ее жилах слишком жидкая, чтобы овладеть искусством укрощения огня.

Но однажды, в библиотеке, Никтеб нашла старинный, изорванный свиток, наполовину обгоревший, заткнутый между свитками псалмов в честь огня и солнечного света, и в нем прочитала то, что лишило ее покоя.

Свиток поведал Никтеб о затхлых глубинах Некрополя Кемет, Города Мертвых, чьи катакомбы, словно соты, пронизали землю под дворцом. В Некрополе испокон веков хоронили фараонов, чьи огненные духи отправились на встречу с Солнечным Отцом, оставив бесполезные тела в мире смертных. Саркофаги лежали в каменных сотах стен, исписанных перерисованными в свиток письменами, которые рассказывали историю о том, как первые люди, мужчины и женщины, научились магии огня от солнца, и использовали ее, чтобы защищать свои земли, и разделили ее между собой как первые солнца ученики.

Когда Никтеб читала, ледяной пот выступил у нее промеж лопаток. Свиток должен был быть одним из тех еретических свитков, которые фараоны древности велели истреблять вместе с теми, чьи нечестивые руки осмелились записать их в папирус. Магия солнца, позволявшая повелевать духами огня, снизошла с неба на одних людей и миновала других: так одни стали царями, а другие – их верными рабами и слугами. Но даже царям, в чьих жилах текла кровь богов, приходилось учиться своей магии по древним книгам, ибо в начале пути они были скорее подобны масляным светильникам, чем огненным светилам – и для этого и были нужны жрецы.

Никтеб не знала, что делать со свитком, и вернула его туда же, где нашла, воткнув между свитков с псалмами. В ужасе Никтеб вернулась в свои покои, думая о том, каким пыткам подвергнет ее отец, если узнает, что она осквернила себя прикосновением к столь мрачной ереси. Если прикосновение фараона могло сделать скверное благословенным, то женщина царского рода могла быть осквернена черным словом точно так же, как любая другая. Лежа на кровати, Никтеб кусала уголок подушки, и как Андама, глядя ее по спине, не уговаривала Никтеб поведать, что привело ее в такое отчаяние, в ответ на все увещевания Никтеб только мотала головой.

Вскоро началось обучение Никтеб всему, что полагалось будущей царице, и ее образованием Никтеб занялся сам верховный жрец Тефис. Тефис носил звание Первого Зодчего Пылающего Скорча, он был надменным мужчиной, невозмутимым и уклончивым, как истинный жрец, но учителем он был хорошим. Никтеб прилежно у него училась, но мысли о том, чему еще Тефис мог бы ее научить, не шли у нее из головы. Она пыталась сопротивляться охватившей ее ереси, но шепот папируса в голове у Никтеб звучал все громче и громче, и все дольше становились взгляды Никтеб, которые она бросала на Тефиса в то время, как он растолковывал ей тонкости языков, на которых Никтеб не пришлось бы говорить нигде, кроме покоев ее отца, и особенности построения правильных треугольников, которые Никтеб никогда бы не пришлось чертить в залах Гильдии архитекторов.

Тефис не хвалил Никтеб за прилежание и старательность, но стал приходить, сопровождаемый процессией из жрецов, писцов, хранителей писчих принадлежностей, телохранителей и ифрита в бутылке, подарка фараона, которую нес, согнувшись от тяжести, смуглый евнух, все чаще и чаще. Тефис подолгу разговаривал с Никтеб, но всегда исподволь давал ей понять, понять, что не отказался ее обучать только потому, что она дочь фараона и поэтому сама немного богиня, а у богов могут быть свои причуды. Конечно же, Никтеб не нужны ни языки, ни геометрия, ведь все это не те премудрости, которые помогают женщине стать женой и матерью, а принцессе верной царицей для своего царя.

Никтеб было тяжело находиться под пристальным вниманием его знающего взгляда, пока однажды вечером Андама, омывая плечи Никтеб ослиным молоком, не сказала:

– Берегись, маленькая Никтеб. Жрец вожделеет тебя.

– Что? – изумилась Никтеб, взявшись за борта мраморной ванны.

– Жрец вожделеет тебя, – повторила Андама, набирая полные ладони молока и втирая его в плечи Никтеб. – Я взрослая женщина, я знаю мужчин, а ты, хоть и вошла в возраст, всего лишь дитя. Ты не знаешь жизни, а я знаю, и я говорю, что жрец вожделеет тебя.

– Как такое может быть? – беспомощно спросила Никтеб. – Он презирает меня.

– Он вожделеет тебя, – тонко улыбнулась Андама. – Но чувствует, что ты превосходишь его. Раньше только его голос мог взывать к рассудку фараона, а теперь твой звучит для него звонче. Раньше ему принадлежало все время фараона, а теперь фараон увлечен тобой, и слово жреца стало для него не столь важно...

Vale et me ama

Действующие лица

Фал Марций Каецина – генерал Второго альянса

Фауста Марция Каецина – его сестра – близнец, сенатор

Вит Август Туллий – командующий Объединенных сил коалиции

Домна Грация Каецина – мать Фала Марция и Фаусты Марции, вдова

Первое действие

Фал Марций сидит в палатке за раскладным столом. На столе лежит карта, придавленная пепельницей. Пепельница полна окурков. Фал Марций смотрит в открытый ноутбук, шнур от которого тянется из палатки к генератору, гудящему снаружи.

Фал Марций. Будь ты проклят, Вит Август. *(Кричит.)* Будь ты проклят!

Вскакивает, опрокидывает стол. Окурки разлетаются по застеленному брезентом полу. Ноутбук падает и обрывает шнур, экран гаснет.

Фал Марций. Ты думаешь, ты победил? Ты думаешь, что я у тебя в руках? Ты сам выбрал свою смерть, Вит Август. Я бы пощадил тебя – ради нее, и ради твоего ребенка, которого она выносила. Я вырежу твое сердце из груди и раздавлю в кулаке, как крысу!

Бьет по экрану ноутбука каблуком, экран трескается. Бросается к койке и переворачивает ее, рыча. Смятая карта шуршит и рвется под ногами.

Фал Марций. Ты сам выбрал свою смерть. Когда я приду за тобой, я не буду тебя убивать – сразу. Сначала ты будешь смотреть. Сначала ты будешь смотреть, как я сделаю с твоей женой то, что тебе давно следовало сделать самому!

Входит Домна Грация Каецина, седая, коротко стриженная женщина. Фал Марций смотрит на нее через плечо.

Фал Марций. Убирайся. Ты не нужна мне здесь.

Домна Грация. Я пришла по праву матери, сын. Твои вопли слышны на другом конце лагеря. Ты позоришь себя перед своими людьми. Как могут они уважать командира, если малейшая неудача так выводит его из себя?

Фал Марций. Это ты называешь неудачей, змея? Моя сестра, твоя дочь, в плену у нашего врага – врага нашей семьи, врага Второго Альянса...

Домна Грация. И твоего главного соперника в любви и политике. Успешного соперника, сын. Вита Августа любит народ. Ты потерял народную любовь, когда приказал вывести войска из города и оставил его на разграбление. Ты потерял голоса сената, и даже Фауста отвернулась от тебя. Ты хочешь всем об этом напомнить?

Фал Марций. Если бы я не вывел войска, ведьма, Альянс бы потерял не город, а армию! Твои слова – не более, чем пустая, ядовитая ложь. Фауста снова со мной. Сенат снова со мной. Народной любви я не ищу, мне достаточно молчания и повиновения.

Домна Грация. Фауста сейчас в руках Вита Августа.

Фал Марций. Ненадолго.

Домна Грация. Я слышала твои крики, и угрозы, и оскорбления. Их слышала и я, и часовые, и твои телохранители, и твой верный Гай Светоний. Ты кричал точь-в-точь как в тот день, когда появился на свет – и каждый раз, когда не получал желаемого, до тех пор, пока я не нашла способа пресечь твою ненасытность.

Фал Марций. Вспомни еще, как я заходился криком в пеленках, когда ты запрещала нянькам подходить. Вспомни, как я возвращался с пляжа с кровавыми ожогами на спине, а ты уходила к отцу, пожав плечами. Вспомни, как меня укусила змея, а ты лишь бросила, что яд не опасен, в то время, как моя ступня раздувалась, словно шар. Мне было пять лет, а ты воспитывала из меня солдата. Теперь – воспитала. Пути назад нет.

Домна Грация. Воспитала. Воспитала! Ты должен благодарен мне быть за такое воспитание. Фауста сильна, она впитала мою кровь, а ты – только ничтожную жижу, текшую в жилах твоего отца. Мне следовало чаще наказывать тебя за несдержанность, и чаще бить Фаусту за непокорность. Тогда бы я воспитала детей, которыми Альянс мог бы гордиться, а не ужасаться их деяниям.

Фал Марций. Ты отослала меня из дома, едва мне сравнялось шесть. Ты отдала меня в Академию, в которой я три года прожил, словно в тюрьме, считая дни до того дня, когда я снова мог увидеть родной дом. Что ждало меня, когда я вернулся? Пустые комнаты, мебель, завешенная чехлами; слуги, встретившие меня у ворот и сказавшие, что мой отец мертв, а мои мать и сестра отбыли на его похороны.

Домна Грация. Я должна была сидеть и дожидаться твоего возвращения, пока тело моего мужа предавали огню, а его прах – земле? Шофер привез тебя туда, куда следовало, все остальное для мужчины – лишнее. Или ты ждал поцелуев и объятий? Они – для слезливых дев, а не для настоящих мужчин! К счастью, в Академии они научили тебя сдерживать свои необузданные порывы и сосредотачиваться на достижении цели. Да, пусть ты тиран, а Вит Август – любимец толпы, но в нем нет и половины твоей мощи, твоей страсти, твоей ярости.

Фал Марций (*усмехается*). Не ты ли обвиняла меня в трусости и слабости минуты назад? Я – не ребенок. И я привык к твоей тщеславной лжи. Ты вгоняешь мне иглы под ногти, чтобы я кричал, и перевязываешь раны, которые сама наносишь, словесными бинтами, чтобы я стал покорным. Ты думаешь, я не знаю этих приемов? Я сам, собственными руками испытывал их на пленных солдатах Вита тысячи раз. Ты ошиблась, женщина. Если ты пришла, чтобы получить надо мной власть, ты ее не получишь. Уходи.

Домна Грация. Если бы я не привыкла к мысли о твоих наклонностях, я была бы убита известием о том, что Фауста Марция оставила мужа и сына чтобы приехать к тебе, в лагерь в грязи лесов, и снова денно и нощно трудиться над удовлетворением твоих безумных желаний. Я знаю, что она не решилась бы на это сама. Что ты сказал ей, что пообещал, что заставило ее сорваться с места? Власть? Положение возлюбленной сестры консула? Или же просто возлюбленной?

Фал Марций отвешивает Домне Грации затрепину. Домна Грация падает на пол, ударяясь головой о наполовину сложившуюся раскладушку, теряет сознание.

Фал Марций. Не ты ли предложила послать на переговоры мою Фаусту? Не ты ли говорила, что чувства, которые Вит Август испытывает к ней, не дадут ему причинить ей

ни малейшего вреда? Время разговоров закончилось. Настало время войны. (*Толкает мать носком ботинка.*) Ты слышишь меня, змея? Вставай, и избавь меня от старческого нытья. Все, что ты получаешь от меня, ты заслужила сполна. Что ты молчишь? В моем сердце нет жалости к тебе.

Домна Грация лежит недвижимо. Фал Марций наклоняется к ней и щупает пульс на шее. Выпрямляясь, Фал Марций смотрит на Домну Грацию сверху вниз, на его лицо падает тень.

Второе действие

Бетонный подвал, с потолка свисает лампочка на проводе. На стуле сидит Фауста Марция, ее руки закованы в наручники за спиной, на голове мешок. Перед ней стоит Вит Август Туллий в камуфляже.

Вит Август. Вот мы и встретились снова, Фауста.

Фауста Марция. Я узнаю твой голос и в двух мешках, Вит Август. Ты думаешь, ты напугал меня своим вероломным нападением? Я не боюсь тебя.

Вит Август. Ты никого не боишься – в этом и есть причина скорой гибели твоей и твоего брата.

Фауста Марция. Кого ты боишься, Вит Август?

Вит Август. Я боюсь, что ты совершаешь ошибку, принимая сторону Фала Марция. Поэтому я оказываю тебе услугу, освобождая тебя от его чар.

Фауста Марция. Теперь это называется так? Скажи, я была под твоими чарами, когда еще любила тебя?

Вит Август. Ты моя жена. Я не знаю, чем Фал Марций околдовал тебя, но ты принадлежишь не ему, ты принадлежишь мне.

Фауста Марция. Я никому не принадлежу!

Вит Август. Ты – моя, и тебе следует хорошенько это запомнить. Как могла ты оставить меня и свое дитя, и сбежать к этому мятежнику, к этому предателю Фалу Марцию?

Фауста Марция. Он мой брат. Единственный человек, который из всей моей семьи, этого змеиноного гнезда, был ко мне добр. Скажи, ты любил свою мать, Вит Август? А она любила тебя?

Вит Август. Ты лучше меня знаешь, что моя мать любила и меня, и тебя, как родную дочь, и нашего сына. Знаешь ли ты, что он сделал свои первые шаги? Сказал свое первое слово? И кому – няньке, не матери.

Фауста Марция. Удивительно, что не твоей новой жене. Он уже называет ее матерью?

Вит Август. От своей ли матери ты унаследовала этот поганый язык?

Фауста Марция. О, я многое унаследовала от своей матери, кроме ее безжалостного сердца. Знаешь ли ты, каково это – быть ненавидимой своей матерью, отвергаемой ею только за то, что после твоего рождения она потеряла своего возлюбленного мужа, покинувшего ее ради другой женщины и убитого в ее объятиях? Знаешь ли ты, каково это, когда твоя мать одержима твоим братом только потому, что он похож на утерянному ей возлюбленного,

твоего отца, но ты не завидуешь этой любви – ты ужасаешься ею потому, что она больше похожа на пытку?

Вит Август. Я знаю, что вся твоя семья безумна – что твоя мать, эта старая карга, что твой брат, ненасытный волк. Недолго с ним выдержала та женщина, которую он взял после того, как я вступил с тобой в брак. Близость твоей богами проклятой семьи отравляет разум, но теперь, когда ты со мной, безумию положен конец. (Сдергивает с головы Фаусты Марции мешок.) О, моя Фауста. С годами ты не молодеешь, но – провалился я в Тартар, если мое сердце, мои чувства и все мои желания не принадлежат безраздельно одной тебе.

Фауста Марция. Тем хуже для тебя. Мои чувства и желания не принадлежат никому, кроме меня самой.

Вит Август. Разве? Я слышал, что по крайней мере половиной из них владеет Фал Марций. (*Берет Фаусту Марцию за щеки.*) Если ты только скажешь, что хранишь в своем сердце нежность к нему, Фауста, что твоя любовь к нему превосходит твою любовь ко мне, я отдам тебя солдатам, а потом пушу тебе пулю в висок.

Фауста Марция. Ты не сделаешь этого. Не сможешь.

Вит Август. Почему же?

Фауста Марция. Потому что ты сойдешь с ума от ревности, если только будешь знать, что ко мне прикасался другой мужчина – другой, кроме тебя.

Вит Август (*разжимает пальцы*). Ты, как всегда, права. Но я могу сначала убить тебя, а потом отдать солдатам. Твое мертвое тело уже не будет моей Фаустой Марцией. Хотя оно все еще будет достаточно теплым для того, чтобы мои люди развлеклись.

Фауста Марция. Так ты поступишь с сенатором, с женщиной, которая входит в единственное на этих землях правительство, которое заботит мир?

Вит Август. Так я поступлю со своей женой, которая забыла о долге передо мной и моей любви к ней.

Фауста Марция. Знаешь, за что я тебя полюбила, Вит Август? (*Проводит ногой по его ноге.*)

Вит Август (*наклоняется к ней*). За что же, Фауста?

Фауста Марция (*плюет ему в лицо*). За то, что ты скрывал от меня свою животную сущность, вылезающую из тебя во время войны. Но если мой брат – волк, то ты не более, чем шакал.

Вит Август (*медленно вытирает плевок*). Твоя слюна на моем лице и наполовину не так сладка, как мое семя на твоём. Ты моя, Фауста. Твое лоно – источник моего наслаждения, давшее жизнь моему сыну, одному из многих сыновей, которых ты подаришь мне. Когда Фал Марций придет за тобой – а он придет, в этом я не сомневаюсь – я убью его, и мы снова станем семьей: ты, я, и наш сын.

Фауста Марция хохочет.

Вит Август. Что ты смеешься, ведьма?

Фауста Марция. А как же клятвы, данные перед богами твоей второй жене?

Вит Август. Она – ничто перед тобой, Марция. Она – не ты. Она даже не может подарить мне ребенка!

Фауста Марция. Дело не в ней, а в тебе. Ты бесплоден.

Вит Август. Ложь! Мой сын...

Фауста Марция. Он не твой сын.

Третье действие

Отряды Фала Марция и Вита Августа стоят у кромки покрытого пеплом леса. Земля изрыта кратерами, из поля торчат обломки транспортников размером с горы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.